

Письмо в редакцию

В РЕЦЕНЗИИ на мой роман «Мужики и бабы» — «Без прикрас, но и без меры», опубликованной в журнале «Наш современник» (№ 11, 1978 г.), рецензент Олег Волков спрашивает: «Как понять в описании пейзажа «теснившиеся остроконечные сараи одоньев»? Ведь «одоняя» (а не «адоняя», вопреки написанию Можаева!) — это небольшие скирды, в которых снопы хранятся под открытым небом, тогда как сарай — это как раз крытое строение, и «сараи одоньев» вообще сапоги всплытку».

Отвечаю. Одоняя (а не «адоняя» — тут простая опечатка) — не только «небольшие скирды, в которых снопы хранятся», но и «подклад», подстил под скирды, хворост, оплетенный на кольях поддон, от мокроты» (В. Даль). То есть те места, куда свозили снопы с поля и складывали. А рядом строили молотильный сарай. И все эти места, выделенные для многих дворов, назывались тоже одоняями. Отсюда и расхожее выражение — сходить на одоняя за колосом или за соломой, чтобы скотину покормить. Это очевидно не означало — залезть на хлебный скирд и нарвать колосу. Имелось в виду взять колос обмолоченный, хранившийся на одоняях. Очень жаль, что для иного читателя все равно, что одоняи и что сапоги всплытку. Все, мол, это нелепость.

Найдя еще одну опечатку — «мелексин» вместо «молескина», Олег Волков гут же ошибочно предлагает слово «рожь» писать во множественном числе — «ржи». «Рожь», так же как и «дичь», и «ложь», во множественном числе не произносится и не пишется: «Рожь сей в золу, а пшеницу в воду», «Матушка рожь кормит всех дураков сплошь» и пр. Но зато в народе говорят: «Они пошли направлек оржами». Или: «Скот погнали на озимя». Вместо «на озимя». Этими вольностями писатель имеет право пользоваться, создавая колорит народной речи.

Напрасно Олег Волков негодует на слова «ураза», «промзель», «охлябы», «назерком», «щадно», утверждая, что они перечеркнуты из словаря Даля. Во-первых, Владимир Даля их не выдумал, а занес в свой словарь из народного говора, а во-

САПОГИ ВСМЯТКУ,

ИЛИ ЧТО СКАЗАЛ БЫ

УЧИТЕЛЬ ПУШКИНА БАТЮШКОВ?

В последнее время появилось немало художественных произведений, авторы которых широко используют диалектизмы, редко употребляемые местные слова и речения. В частности, и в этом аспекте разбирает новый роман Б. Можаева «Мужики и бабы» О. Волков в статье, опубликованной журналом «Наш современник», № 11. Печатая сегодня письмо в редакцию Б. Можаева, «Литературная Россия» полагает целесообразным литературный спор по данной проблеме.

Вторых, и современному писателю вовсе не возбраняется пользоваться тем же источником, из которого черпал свои познания русского языка и Владимир Даляр.

Рецензент часто упрекает меня в отсутствии вкуса. Он пишет: «Учитель Пушкина Батюшков сеговал на «неблагозвучие» некоторых звуков русского языка. Что сказал бы он, спотыкаясь о бесконечные можаевские «хакнул», «гыкнул», «рыкнул», «хмыкнул», «грегоче!», «зачах-хал»? И не только он, а и Лев Толстой, ратовавший за безыскусственность и простоту языка, но почитавший верхом безвкусцы употребление слов «кошка» и «кишка» в смежных строках!»

Не слова плохи, а сочетание слов порой бывает неблагозвучно. То есть в определенном контексте то или иное слово может «не звучать». Вот и следует, осуждая употребление того или иного слова, выписывать всю фразу, приводить слово в контексте. И Батюшков, и Толстой сеговали не на слова, а на «неблагозвучие» некоторых звуков русского языка. Одним из самых неблагозвучных звуков являются и являются «щ» да «вш». Мой же рецензент, негодя на отдельные слова, мало заботится о благозвучии и даже о собственном стиле. Вот извольте полюбопытствовать, как он пишет:

«Вместе с обилием персонажей, называемых по прозвищам и кличкам либо уменьшительными именами (вспомним Белинского!), вместе с языком романа, почти сплошь стилизованным под говор не слишком грамотного мужика (местами так и чудится растерзанный мужичонка на допотопном сходе, похмельный, в холщовой сряде, из тех, кого не принимают всерьез степенные хозяева, размахивающий руками и восполняющий недостаток слова загогулистыми присловьями, вроде приведенных выше), эти сыплющиеся как из рога изобилия «курьезные» случаи и приключения, обросшие сомнительного вкуса остротами и прибаутками, либо обрекают персонажей романа на осмение, либо наводят на мысль об их беспросветной серости, ограниченности кругозора, отсутствии духовных запросов».

Право же, тут, в этих двух абзацах, столько «вшей» и «щей», что у меня и в целом романе не наберется. А каков слог? «Вместе с обилием персонажей... вместе с языком романа... эти сыплющиеся как из рога изобилия «курьезные» случаи и приключения...» Чем это хуже известного изречения: «Шел дождь и два студента?» Или знаменитого: «Высунул из окна туловище вместе с головой?» Не знаю, что сказал бы при этом «Учитель Пушкина Батюшков». Но я могу повторить слова поз-

та: «Увы! Сей слог не блещет красотой». Да простится мне вольность цитирования!

Сурово осудил меня рецензент не только за «некрасивые» русские слова, но и за мужицкие шутки, которые еще позволительны для «современника Рабле», а уж в двадцатом веке это самое — ни-ни! «Я имею в виду, разумеется, читателя нашего, двадцатого века, а не современника Рабле или даже Мольера», — пишет он. Из этого следует принимать, что читателю двадцатого века можно читать такие шутки у Рабле, а вот у Можаева уже нельзя. В заключение Олег Волков вроде бы резолюцию на-чертал на моем романе:

«Произведение приобретает привкус того специфического жанра, который в старинные времена считали предназначенным для гостинодворских приказчиков и молодцов».

Увы! Так оно и определялось, не писателями, разумеется, а чиновниками от литературы: для обитателей барских особняков — один жанр, для «гостинодворских приказчиков и молодцов» — другой. Обратите внимание — и приказчики, и молодцы стоят в одном ряду.

Вот что отвечу я Олегу Волкову: негоже путать барских угодников с теми молодцами, которые презирали самих бар. Про тех самых молодцов и песни слагались: «У меня ль, у молодца, кудри так и выются». Или: «Никто не загородит дорогу молодца!» Рецензент ратует вроде бы за любовь, на деле же у него прорывается пренебрежение к мужику. Чего стоят эти «гостинодворские приказчики и молодцы»? Или этот «растерзанный мужичонка... похмельный»?

Как про собаку писано.

Ну, не уважает, и не надо.

Это, как говорится, личное дело рецензента.

Могу сказать твердо, что русские классики не относились с пренебрежением к молодцам. Что же касается самого народа, так нет, пожалуй, более любимого образа в фольклоре, чем молодец. Про них, про этих молодцов, отчасти и много писано в романе. Я знаю — они еще не переселись. И ежели найдутся среди моих читателей такие вот молодцы, я буду очень рад.

Борис МОЖАЕВ